

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-388-398

УДК 811-1

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Т.С. Шмелева

Статья посвящена изучению пространственной картины мира в различных языках и культурах. Рассматриваются культурно обусловленные различия в категоризации пространства и пространственных отношений в различных языках, анализируются пути вербализации пространственных отношений в различных культурах.

Метод или методология проведения работы. В работе использовались методы лингвистического описания и концептуального анализа.

В результате проведенного исследования было выявлено, что, несмотря на признанную универсальность пространственной категории различные языки характеризуются наличием принципиальных различий не только в вербальных инструментах, используемых для описания пространства и пространственных отношений, но и в методах когнитивной обработки таковых, что является естественным следствием разнообразия экстралингвистических условий существования и развития культур.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по языкознанию и теоретической грамматике, лингвокультурологии.

Ключевые слова: пространственная картина мира; пространство; пространственные отношения, язык; культура; вербализация

SPATIAL PICTURE OF THE WORLD IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

T.S. Shmeleva

The article is devoted to the study of the spatial picture of the world in various languages and cultures. The culturally determined differenc-

es in the categorization of space and spatial relations in different languages are considered, the ways of verbalization of spatial relations in different cultures are analyzed.

The method or methodology of the work performed. *The methods of linguistic description and conceptual analysis were used in the work.*

As a result of the study, it was revealed that, despite the recognized universality of the spatial category, different languages are characterized by the presence of fundamental differences not only in the verbal tools used to describe space and spatial relations, but also in the methods of cognitive processing of such, which is a natural consequence of the diversity of extralinguistic conditions existence and development of cultures.

Practical implications. *The results of the study can be used in courses on linguistics, theoretical grammar and linguoculturology.*

Keywords: *spatial picture of the world; space; spatial relations; language; culture; verbalization*

Все естественные языки проявляют индивидуальность в выборе способа членения мира, что обуславливает специфичность языковой концептуализации и наличие особенных и уникальных пространственно-временных измерений, существующих в коллективном сознании определенного языкового сообщества. Человечество начало размышлять о фундаментальных аспектах своего бытия еще в глубокой древности, и с тех пор выработало множество концепций пространства и времени.

Пространство и время – категории относительные и культурно обусловленные – являются одними из основных понятий, участвующих в формировании языковой картины мира в любой культуре и отражающих менталитет национальной языковой личности этих культур. В любой культуре существуют свои традиции, ритуалы, архетипы поведения, которые и обуславливают этикетно-символические формы коммуникативного поведения. Именно стереотипный характер речевого поведения максимально наглядно отображает своеобразие культуры этноса [3, с. 25].

Значимость ориентации человека в пространстве определялась условиями его выживания и существования. Мир, в котором жил

древний человек и к которому он относился как к божественному творению, воспринимался им как дом, как некое закрытое трехмерное пространство. Подобное восприятие окружающей действительности нашло свое отражение и в языке. Например, в большинстве европейских языков лес, населенный пункт, будь то город или деревня, помещение, улица, вода воспринимаются как пространство замкнутое, закрытое [Там же, с. 24].

Однако в современных условиях пространственные концепты как структурные элементы картины мира не ограничиваются утилитарно-прагматическими функциями, но, по мнению В.Б. Касевича, трактуются в рамках мировоззренческих оппозиций, наделенных оценочными характеристиками в отдельно взятом культурно-историческом сообществе. Таким образом, индивидуальные свойства того или иного пространства определяются не объективными отношениями между предметами, а оценочным отношением субъекта к данному пространству, причем, как правило, это оценочное отношение носит коллективный характер [2, с. 62].

Еще во второй половине XX в. среди исследователей когнитивистов широким признанием пользовалась идея о том, что различные культуры концептуализируют пространство с минимальными расхождениями во взглядах, поскольку когнитивные способности людей одинаковы и обусловлены биологически. Так, предполагалось, что членение пространства с помощью плоскостей, условно разделяющих тело человека на «перед» и «зад», «левое» и «правое», «верх» и «низ», для всех людей является биологически обоснованной концептуальной универсалией. В качестве подтверждения этой мысли некоторые исследователи ссылались на то, что метафорическое мышление, использующее пространственные категории, не проявляет существенных различий при сопоставлении лингвокультур, поскольку пространственная концептуализация универсальна [11, р. 115]. Однако дальнейшие исследования, как известно, поставили подобные утверждения под вопрос и доказали их несостоятельность на основе лингвистических и нелингвистических экспериментов.

По мнению Ю.Д. Апресяна, складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная психология и тому подобное, отражает материальный и духовный опыт народа-носителя данного языка и может быть специфичной для него. При этом наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых разных языках [1, с. 94].

Так, А. Клиппел соглашается с тем, что многие характеристики пространственного окружения человека (например, гравитация) универсальны для всего земного шара и считаются центральными для познавательной деятельности человека, например, для понимания таких концептов, как «верх» и «низ». Однако другие концепты оказываются лингвистически и/или культурно зависимыми, например, концепт, заключенный в английском предлоге «on». В английском языке (как и в русском) этот предлог используется для описания положения предмета и по отношению к горизонтальной плоскости, и к вертикальной («*The book is on the table.*», «*The picture hangs on the wall.*»). Но другие языки для описания тех же пространственных схем используют разные средства: в немецком и голландском для указания на горизонтальную опору используются предлоги *auf/op*, а для указания на связь с вертикальной плоскостью – предлоги *an/aan* [12, p. 1-2].

Говоря о выражении пространственных отношений по вертикальной оси в английском языке, необходимо подчеркнуть, что для него характерно сочетание не только физического, культурно-социального, но и эмоционального опыта. Взаимосвязь когнитивного процесса освоения пространства с эмоциями и их проявлениями в языке можно выявить на примере нескольких английских метафор, в которых счастье связывается с движением вверх по вертикали от нейтрального вектора (шкалы), а несчастье – с движением вниз по вертикали: *happy is up – sad is down* [1, с. 97].

В то же время во вьетнамском языке не противопоставляются горизонтальная и вертикальная концептуализация так, что даже

положения тела в горизонтальном и вертикальном положении описываются одними глаголами и модификаторами направления движения [4, с. 13]. Однако при характеристике частей человеческого тела, напротив, может меняться взгляд наблюдателя, который может описывать их то в вертикальной, то в горизонтальной плоскостях-ориентирах: «Различия между словосочетаниями типа «высокий лоб», «высокая шея» и «высокий нос», «высокие скулы» свидетельствует об использовании различных плоскостей-ориентиров и пространственной ориентации частей тела человека» [Там же, с. 16]. Кроме того, во вьетнамском языке наблюдается феномен различных «смотровых площадок»: одно и то же явление может описываться носителями разных языков по-разному: «точка зрения говорящего как бы перемещается <...> он как бы смотрит на одно и то же явление по-разному» [Там же, с. 20]. В этом наблюдении автора, хотя и сохраняется антропоцентричность как онтологическое свойство языка, опровергается антропоцентричность как базовый методологический принцип, ценность которого определяется фиксированностью взгляда наблюдателя [9, с. 75].

В качестве еще одного примера фундаментальных различий в концептуализации пространства рассматривается фиксированность частей света как ориентиров, которая обусловлена их расположением на карте (*верх – север, низ – юг, право – восток, лево – запад*). Однако для древних монголов, как и для современных – халхов, бурятов, калмыков – юг оказывается «передней стороной», соответственно север – задней и т.д. По свидетельству В.И. Рассадина, в двух говорах современного бурятского языка – эхиритском и нижнеудинском – бытует иная система названия сторон света, в которой передней стороной является восток [8, с. 131-132]. В древнем Китае направление на юг или север имело статусный характер: император восседал на троне лицом к югу, а его поданные – к северу; восток символизировал жизнь, запад – смерть [Там же, с. 128-129].

Одним из базовых категориальных признаков пространства является динамичность/статичность. Различные модели концептуализации пространства обусловлены асимметрией конечной и началь-

ной точек движения (источника и цели, в терминах образных схем). В современных когнитивных исследованиях обосновывается «goal-over-source principle» – принцип преобладания конечной точки над начальной, поскольку конечная точка «находит непосредственное отражение в языковой структуре». Выявленная закономерность принимается в качестве «почти что универсальной» [6, с. 320]. Однако во вьетнамском языке наблюдается иная картина: «Самой важной в пространственной ориентации должна быть точка отсчета», а «наблюдатель может находиться где угодно» [4, с. 29]. Так, мяч, улетевший на крышу дома из разных точек, описывается различным образом в зависимости от источника движения [9, с. 76].

Итак, с когнитивной точки зрения наш вид не однороден – наши различия в познавательной деятельности являются таким же фактом, как различия в языке, манере одеваться, предпочтениях в прическе, отношениях с родственниками, стиле жизни, ритуалах и религии [13, р. 22].

Языки используют фундаментально разные семантические параметры при категоризации пространственных отношений – различные координатные системы, различные принципы построения этих координатных систем, в следствие чего появляются различия между категоризацией «одинакового» и «разного» в рамках пространственных сцен [Там же, р. 19].

Л. Талми в рамках исследования реализации топографических схем в лингвистических выражениях предлагает следующую типологию языков. Он выделяет две группы языков: языки, в которых траектории движения или путь описывается с помощью служебных слов, например, предлогов или частиц, что характерно для английского и финского языков (*satellite-framed languages*); и языки, в которых путь движения описывается самим глаголом, как в испанском или французском языках (*verb-framed languages*) [15, р. 61]. Д. Слобин пересматривает эту типологию и добавляет еще одну группу языков, в которых выражены оба способа вербализации пространственных отношений и к которой он отнес мандаринское наречие китайского языка [7, с. 23].

Типология Л. Талми основана на вариативности способа морфосинтаксического кодирования пути и характера движения в языках. Дальнейшие исследования продемонстрировали и другие различия среди языков не только в морфосинтаксическом, но и в семантическом плане. Например, результаты исследований С. Левинсона и Д. Уилкинса, посвященные относительно мало изученным языкам, среди которых аранта, киривина, эве, цельтальский, юкатекский, тамильский, японский и голландский языки, продемонстрировали, что значительные различия заключаются в способах кодирования угловых (справа-слева, спереди-сзади) и топологических (в, на, около) отношений между предметами, а также в способах описания движения и используемых для этих целей грамматических структурах [14, р. 11]. В частности, носители некоторых языков австралийских аборигенов, австронезийских языков, языков американских индейцев в выражениях, описывающих местоположение объектов, используют ориентирование по сторонам света [10, с. 3]. С лингвистической точки зрения такие выражения варьируются от языка к языку, но отмечается частота использования слов с корнем наименований сторон света при описании предметов и событий в качестве указателей или векторов в рамках соответствующего деления горизонтальной плоскости [14, р. 18].

Эксперименты, проведенные С. Левинсоном и его коллегами, доказали, что языки различаются между собой в области выражения пространственных отношений тем, какой стратегии из всех возможных они отдают предпочтение. Выбор этой стратегии выходит за пределы процесса лексикализации/ грамматикализации, как предполагал Л. Талми или Д. Слобин. Однако С. Левинсон и его коллеги также проанализировали результаты нелингвистических экспериментов, сделав выводы о том, что если язык использует специфическую стратегию вербализации пространственных отношений, то и сознание носителей этого языка формируется соответствующим образом [10, р. 19].

Стратегия, к которой может прибегать язык для решения задачи, заключающейся в определении ориентации движения, в глав-

ном не отличается от общей стратегии ориентации любых других объектов: соответствующий участок пространства помещается в определенную систему координат, т.е. соотносится с известным говорящему ориентиром и указывается, как он расположен относительно этого ориентира [5, с. 207].

Таким образом, культурно обусловленные различия в категоризации пространства и пространственных отношений в различных языках являются естественным следствием разнообразия экстралингвистических условий существования и развития этих культур. Несмотря на наличие когнитивных универсалий в плане познания и вербализации пространственных отношений каждое языковое сообщество может проявлять уникальные пути отражения онтологического пространства в языковых средствах.

Список литературы

1. Астафурова Т.Н. Вербализация пространственных отношений в языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. №2(8). С. 93-98.
2. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. СПб.: Наука, 1998. С. 19-42
3. Кульгачева А.В. Семантика пространственно-временных предлогов в когнитивном аспекте изучения (на примере французского и итальянского языков) // Вестник МГЛУ, 2009. Вып. 566. С. 22-30
4. Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков): Автореф. дисс. ... доктора. филол. наук. Москва, 1993. 66 с.
5. Плунгян В.А. К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 205-223.
6. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
7. Слобин Д. Психолингвистика. Хомский и психология. М.: КомКнига, 2006. 336 с.

8. Трофимова С.М. О лексике монгольских языков, отражающей ориентацию в пространстве // Проблемы исторического развития монгольских языков: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 127-134.
9. Трофимова У.М. Пространственная концептуализация соматизмов: типологический взгляд // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. №10(4). С. 74-78.
10. Arik E. A Crosslinguistic Study of the Language of Space: Sign and Spoken Languages. Cambridge Scholars Publishing, 2010, 151 p.
11. Gattis M. Spatial Schemas and Abstract Thought. London: The MIT Press, 2001, 362 p.
12. Haviland J.B. Pointing, gesture spaces, and mental maps. Language and gesture. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 64 p.
13. Levinson S.C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge university press, 2003, 415 p.
14. Levinson S.C. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 621 p.
15. Talmy L. Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms. Language Typology and Syntactic Description (vol. III). Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 57-149.

References

1. Astafurova T.N. Verbalizatsiya prostranstvennykh otnosheniy v yazyke [Verbalization of spatial relations in language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. Seriya 2: Yazykoznaniye, 2008, no. 2(8), pp. 93-98.
2. Kasevich V.B. O kognitivnoy lingvistike [On cognitive linguistics]. *Obshcheye yazykoznaniye i teoriya grammatiki. Materialy chteniy, posvyashchennykh 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.D. Katsnel'sona* [General Linguistics and Theory of Grammar. Readings Materials Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of S.D. Katznelson]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998, pp. 19-42.
3. Kul'gacheva A.V. Semantika prostranstvenno-vremennykh predlogov v kognitivnom aspekte izucheniya (na primere frantsuzskogo i ital'yansk-

- ogo yazykov) [Semantics of spatio-temporal prepositions in the cognitive aspect of study (on the example of French and Italian languages)]. *Vestnik MGLU* [MGLU Bulletin], 2009, no. 566, pp. 22-30.
4. Li Toan Tkhang. *Prostranstvennaya model' mira: kognitsiya, kul'tura, etnopsikhologiya (na materiale v'yetnamskogo i russkogo yazykov)* [Spatial model of the world: cognition, culture, ethnopsychology (on the material of the Vietnamese and Russian languages). Abstract of the dissertation ... of Doctor of Philology. Moscow, 1993, 66 p.
 5. Plungyan V.A. K tipologii glagol'noy oriyentatsii [On the typology of verbal orientation]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira* [Logical Analysis of Language. Languages of the Dynamic World]. Dubna: Mezhdunarodnyy universitet prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna», 1999, pp. 205-223.
 6. Rakhilina Ye.V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Russkiye slovari Publ., 2008, 416 p.
 7. Slobin D. *Psikholingvistika. Khomskiy i psikhologiya* [Psycholinguistics. Chomsky and psychology]. Moscow: KomKniga Publ., 2006, 336 p.
 8. Trofimova S.M. O leksike mongol'skikh yazykov, otrazhayushchey oriyentatsiyu v prostranstve [On the vocabulary of the Mongolian languages, reflecting the orientation in space]. *Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skikh yazykov* [Problems of the Historical Development of the Mongolian Languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 127-134.
 9. Trofimova U.M. Prostranstvennaya kontseptualizatsiya somatizmov: tipologicheskiy vzglyad [Spatial conceptualization of somatisms: a typological view]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2014, no. 10(4), pp. 74-78.
 10. Arik E. *A Crosslinguistic Study of the Language of Space: Sign and Spoken Languages*. Cambridge Scholars Publishing, 2010, 151 p.
 11. Gattis M. *Spatial Schemas and Abstract Thought*. London: The MIT Press, 2001, 362 p.
 12. Haviland J.B. *Pointing, gesture spaces, and mental maps. Language and gesture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 64 p.

13. Levinson S.C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge university press, 2003, 415 p.
14. Levinson S.C. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 621 p.
15. Talmy L. Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms. Language Typology and Syntactic Description (vol. III). Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 57-149.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шмелева Татьяна Сергеевна, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, кандидат филологических наук
Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, г. Ижевск, Удмуртская Республика,
426034, Российская Федерация
shmelevat@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatiana S. Shmeleva, Associate Professor, Department of Stylistics and Applied Linguistics, PhD of Philology
Udmurt State University
1, Universitetskaya Str., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russian Federation
shmelevat@mail.ru

Поступила 01.09.2022
После рецензирования 01.10.2022
Принята 10.10.2022

Received 01.09.2022
Revised 01.10.2022
Accepted 10.10.2022